

Жизнь - штука реальная

Судя по последним парламентским выборам, наибольшими симпатиями среди россиян из оппозиционных партий пользуются либерал-демократы и коммунисты. Почему? Предлагаем аргументы сторонников их взглядов. И пусть читателей не смущает, что на одной полосе заводской газеты встретились соредатор «Журнала демократии» М. Платтнер (мы представляем с сокращениями его рецензию из № 7-8 за 1994 год журнала «Век XX и мир») и инженер ММК А. Мягков.

Конец истории?

Эссе Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории», несомненно, наиболее цитируемая и широко обсуждаемая статья за последнее время. Фукуяма смело утверждал, что мир может стать свидетелем не только конца холодной войны, но и «конечной точки идеологической эволюции человечества, а также повсеместного распространения западной либеральной демократии как конечной формы управления.»

Фукуяма проследивает глубокий кризис авторитаризма, характерный для последних десятилетий: «С приближением конца тысячелетия на ринге остался единственный соперник, претендующий на потенциальную универсальность идеологии, - либеральная демократия, доктрина индивидуальной свободы и народовластия.» Ее воспринимает все большее число стран, в то время как ее критики не в состоянии предложить последовательную альтернативу. Она превзошла и обескровила всех серьезных политических противников, дала гарантии, что либеральная демократия представляет собой кульминацию в истории человечества.

Фукуяма, подчеркивая всеобщий характер современных естественных и технических наук, сосредотачивается на императивах экономического развития. Общество, которое стремится к процветанию или просто защищает свою независимость от технически более развитых государств, вынуждено вступить на тот же путь модернизации. Хотя коммунистическое планирование из центра как будто предлагает альтернативный путь индустриализации, эта модель оказалась сегодня абсолютно неадекватной в условиях постиндустриальной экономики. Таким образом, в противоположность К. Марксу, логика экономического развития ведет к крушению социализма и триумфу капитализма.

Фукуяма предполагает, что главная движущая сила истории есть то, что Гегель-Кожев называет борьбой за признание. Противоречия, которые порождает борьба за признание, могут быть устранены только с помощью государства, основанного на всеобщем и взаимном признании прав каждого гражданина.

Фукуяма отождествляет жажду признания с платоновским понятием thymos (духовность) и понятием Руссо amour-propre (самолюбие), а также с такими современными терминами, как самоуважение, самооценка, достоинство и самоценность. Но, конечно, он прав, утверждая, что привлекательность демократии связана не только с процветанием и личной свободой, но и с желанием быть признанным, равным друг другу.

Важность этого фактора увеличивается с ходом прогресса и модернизации: «По мере того, как люди становятся богаче, образованнее, космополитичнее, они требуют признания своего статуса.» В этом Фукуяма видит объяснение стремления к политической свободе, даже в условиях экономически успешных авторитарных режимов. Жажда к признанию - это «утраченное звено между либеральной экономикой и либеральной политикой.»

Хотя главная тема последней части - непрерывный триумф либеральной демократии и ее принципов, автор этим не ограничивается. Он не только признает тенденции к утверждению культурной самобытности, но и приходит к выводу, что «либерализм должен добиться успеха помимо своих принципов», а политическая модернизация «требует сохранения чего-то несовременного». Более того, есть вероятность, что несмотря «на очевидное отсутствие в настоящее время какой-либо альтернативы демократии, некоторые новые авторитарные альтернативы, ранее неизвестные истории, смогут утвердиться в будущем.»

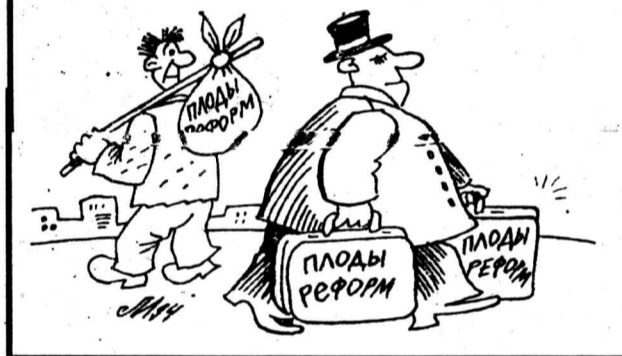
Действительно ли либеральная демократия полностью удовлетворяет стремление человека к признанию и, таким образом, определенно представляет собой конечный пункт человеческой истории? Хотя, как считает Фукуяма, «либеральная демократия есть наилучшее решение человеческой проблемы», он также приходит к выводу, что ей присущ ряд внутренних «противоречий», из-за которых она может подвергнуться разрушению. Это и трения между свободой и равенством, которые открывают возможности атаки на демократию со стороны левых; они не обеспечивают равного признания меньшинствам и бедным. Длительный путь либеральной демократии разрушает религиозные и другие долиберальные воззрения, важные в общественной жизни, от которой она в конечном счете зависит; и, наконец, неспособность общества, основанного на свободе и равенстве, обеспечить простор для стремления к превосходству.

Фукуяма считает, что это последнее противоречие - самое серьезное из всех. В связи с этим он использует ницшеанское понятие человека толпы, который ни во что не верит и ничего не признает, кроме своего комфорта, и который утратил способность испытывать благоговение. Главное опасение у Фукуямы вызывает не этот «последний человек», а то, что либеральная

демократия будет разрушена из-за неспособности умерить стремление человека к борьбе. Если либеральная демократия одержит повсеместную победу, то и тогда человек «будет бороться против самой причины. Он будет бороться ради самой борьбы. Другими словами, люди будут бороться просто от скуки, они не представляют себе жизнь в мире без борьбы.» В конечном счете Фукуяма считает, что удовлетворение может принести не только либеральная демократия, и поэтому «те, кто остался неудовлетворенными, всегда смогут возобновить ход истории.»

Внимательное чтение Фукуямы приводит к мысли, что вопросительный знак в заглавии его статьи был неслучаен. Как выясняется, даже сам автор не вполне верит в свой тезис. Но если автора можно обвинить в ложной двусмысленности его взглядов, то нет сомнения в том, что его сочинение пробуждает и стимулирует мысль. Конец истории может стать периодом скуки и жалоб, но размышление о конце истории может одновременно радовать и огорчать. В свете вечных вопросов философии Фукуяма заставляет нас заняться не только переоценкой повседневных выгод и преимуществ либеральной демократии, но и проанализировать ее существенные достоинства и недостатки.

М. ПЛАТТНЕР.

Для затравки - картинка с натуры

Кислородно-конвертерный. Отметка плюс шестьдесят два. Выше - только крыша. Сюда не ступает нога начальства. Вопреки законам гравитации окалина, металлическая и прочая пыль поднимаются вверх, увлекаемые потоками газов, паров, дымов. Делаю шаг через пропасть на сегодняшнее рабочее место инженера - пост управления машиной замера параметров плавки. Вокруг суетятся (а иначе в адских условиях и нельзя) рабочие. Один, «умница», хладнокровно и спорно опробует схему управления. Второй, «пахарь», из ничего лепит на ходу какие-то переключатели, датчики, сигнализацию. Третий, «интеллектуал», даже здесь пытается острить и философствовать, впрочем, зато не пачкая белых рук. Четвертый, «деловой», как обычно, оказался... лишним. Мгновением пролетают минуты, десятки минут, начинается плавка и кончается наш траверс. Внизу, после грязи и холода, пьем чай. Начальник информируется о подвигах. В основном, «деловым», которого веско поправляет «интеллектуал». «Умница» и «пахарь» помалкивают, видимо, раздумывая о сделанном и предстоящем в ближайшую следующую «экспедицию», куда и лифт-то добирается за 100 с лишним секунд, не говоря уж о пешем ходе.

Но еще любопытнее другое. Там, наверху, каждый знал себе цену. Но вот приносит табуляграммы. И каждый, подчеркиваю это, не хочет отличаться. Ни в ту, ни в другую сторону. Парадокс?

Очевидное - невероятное, но веками люди научились жить, как люди, как все, нормально, не выделяясь. И так просто это ни из сознания, ни из поступков не вытравить. Это, думается, не уравнильство. Это равенство. От каждого - по способностям, каждому... Хм, ну раз не по потребностям и не по труду, то это значит лишь, что у нас не коммунизм и не социализм. А кто против продолжения формулы в любом из приведенных вариантов? Нет таких. Да, на рынке доставшиеся потом и слезами кусок металла и ведро картошки могут оказаться ненужными, а резинка в необычной обертке - самой вожделенной целью. На то цивилизованный мир и придумывает прогнозы, планы, регуляторы. А третий мир (читай - мы с вами) все перестраивается, реформирует, буксует на обочине жизни.

Чем взяли у народа власть улучшатели из т. н.

«демократов»? Номенклатуру - под народный пригляд. Чтоб была, как все. Бесприбыльные и неэкономичные объекты - на замок. Чтобы польза была ото всех. Долой военщину - даешь социальную сферу. И т. д. Потом появились департизация, десоветизация, денационализация, приватизация. Спросим прямо - кому это выгодно? Номенклатура, лишившись партийных оков, от подобной свободы даже растерялась. Как, можно выписать себе по контракту, не как раньше, за «новую технику» или вписавшись к авторам изобретения, тысячу-другую, а десятки миллионов в месяц? Недурно. И опять же - коммерческая тайна. А не от этого ли беспредельная ненависть наша к любому мало-мальски соскочившему на ровном месте шишкарю? Всегда считалось приличным знать и не скрывать свой заработанный заработок. А нынче президенти наперебой с генеральными мямят - ну, миллион, два. Не так ли «честно» докладывали о партийных окладах (они же!), забывая о спецдачах, буфетах, прислуге и т. п. А мы с вами как жили открыто, по соседски, как ездили трамвайчиком-автобусом, как давились в очередях, так и живем, ездим, давимся. Правильно, как работаем, так и живем. Позволяем себе иметь таких правителей, каких, увы, имеем. На всех уровнях. И это тоже глубоко укоренившаяся привычка - не высовываться. Жили под монголами, царями, вождями, живем безропотно и под «демократами». Нет-нет, не зову к топору. Их надо скинуть с трона их же оружием - демократично, простым голосованием. Выбирали же мы Ромазана, Романова, Мазуля. Не ошибались. Давайте и впредь не пресс-хвалителей, а слышать самих творцов будущего, в какие бы одежды они ни одевались. Народ не надо кормить ни хлебом, ни обещаниями. Просто надо дать ему возможность проявлять свои знания, умения, сноровку.

Так случилось, что мои родители, потомственные крестьяне, индустриализацией были сорваны с родных мест. И в первые послевоенные годы, при первой же возможности, в коллективном саду №1 они заимели участок земли 31х21 метр. Как мне интересно было наблюдать за развитием товарищества. Начало: каждый огораживается, хоронится за забором, выстраивает дом (как память об отобранном когда-то). А чуть зазеленели-закраснели первые побеги-плоды, прочь полетели изгороди, на добро были напользованы межи, стало так хорошо и тепло ходить в гости, радоваться за соседа по саду, его мичуринскому искусству как собственным удачам. И это единение многого стоило. Забавно, что когда пошли разговоры о хрущевских планах коллективизации садов-огородов, то и тогда это воспринималось как обычная, совершенно рядовая мера на пути к коммунизму. Таким образом, мы становились бы еще роднее. Пусть тем компланам не суждено было реализоваться, но разве ваучеризация в принципе не то же самое. По крайней мере, как задумывалось. От дитяти до старика - каждому по десять тысяч. Верись в свое дело - вкладывай. Доверяешь партнеру - пожалуйста. Увы, эМ-эМ-эМы опошили добрую идею, а лихие прихватизаторы из тех, что поближе к кормушке, довершили дело по гибели капитализма в России. Остается одно - вернуть награбленное людям. Пусть металлурги владеют и управляют комбинатом, равно как крестьяне землей, а чиновники - стульями под собой. Вот тогда и не нужно будет омонощам стоять на проходных, начальству рваться за депутатскими мандатами, их пресс-лакеям учить нас работать. И покуда такое положение не устраивает на перспективу понятно кого, со страниц известных изданий не сходят фамилии мягковских, ивановых, мазулей, поминаемых всеу ивановыми, петровыми, сидоровыми, отработывающими свой хлеб так же исправно, как они это делали при комвласти. Уж кому-кому, а мне это известно куда как хорошо.

Больно касаться гражданской войны в России. ГКЧП и Руцкой одним движением в сторону силы потеряли в народе уважение. И я горд за наших людей, что они органически не приемлют силовых действий, какими бы благородными идеалами они не оправдывались. Миру - мир! Это не лозунг, это состояние души любого нормального человека. Сегодня стреляют наши по тем, завтра они повернут ружья на нас. Где и когда вы видели справедливые наступательные войны? Не было таких. Защита Отечества - дело чести. Но не захватничество. И здесь позиция большинства членов общества и коммунистов совпадает на все сто.

Прелести свободы, гласности, плюрализма при нынешних правителях мы увидели во всем блеске. Свобода воровать, безответственно дискредитировать оппонентов, оплевывать традиции, прошлое Родины - поневоле отшатнись от разгатакой демократии, где демократия кончается выборами президента и депутатов, бесконтрольно вершащих свои делишки вне всякой связи с обещаниями, программами, платформами. Покрутившись на политической кухне, стал десятиро более убежденным, что только единомышленники единственно и способны повернуть страну на практический, разумный, логичный путь развития, где каждый будет жить сам и еще помогать товарищу, а не наживаться неправедным бизнесом-спекуляцией на оболваненных рекламно-пропагандистской машиной ньюиднологов. В противоположность этим сила коммунистов - в нежелании собственных выгод. Но жизнь - штука реальная, и потому «это» пока отпугивает от нас самые широкие массы. Но чем дальше мы идем дорогой ограбления народа, тем больше будет союзников, сторонников у коммунистов. Это - объективная, неумолимая перспектива.

А. МЯГКОВ.